

MACHIAVELLIAN INTELLIGENCE: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ОБМАНА

Отраднее, чем жить среди людей,
со свиньями в хлеву помои трескать.

Никколо Макиавелли

В.В. БОЛАТАЕВ

В своем эссе «Оригинальность Макиавелли» Исайя Берлин приводит знаменитый список интерпретаций Макиавелли, перечисляя все возможные высказывания и тезисы, связанные с доктриной философа, при этом отмечая, что мало кому из философов посчастливилось получить такой разброс оценок и комментариев в последующие эпохи, как скромному флорентийскому секретарю правительства Медичи. «Но самую распространенную оценку Макиавелли, по крайней мере как политического мыслителя, дают большинство ученых и писателей елизаветинской эпохи: для них это человек, которого дьявол уполномочил вести добрых людей к гибели, это великий разрушитель, учитель зла, le docteur de la scélératesse, вдохновитель Варфоломеевской ночи, прототип Яго. Это “кровожадный Макиавель” знаменитых “четырёхсот запрещенных ссылок” елизаветинской литературы. Его имя – “Старина Ник” – еще один синоним извечного врага рода человеческого. Для иезуитов он “соучастник дьявола в преступлениях», “писатель без чести и без веры, а “Государь”, по словам Бертрана Рассела, это “руководство для гангстеров” (ср. с оценкой Муссолини: *vade tecum* для государственных деятелей, – которую, может статься, молчаливо разделяют и другие главы государств). Этот взгляд, общий и для протестантов и для католиков, для Жантйе и Франсуа Отмана, для кардинала Поула, Бодена и Фридриха Великого, разделяют все авторы многочисленных сочинений на тему “Анти-Макиавелли”, последними из которых являются Жак Маритен и Лео Штраус»¹.

В XX в., в связи с развитием натуралистической теории значения, эволюционной эпистемологии, когнитивной этологии высших приматов, теории социального поведения и формализма теории игр возникает все более растущее движение за интерпретацию и использование существующих философских категорий в новом неклассическом контексте обсуждения тех или иных проблем гносеологии и поведения человека. Не меньший интерес представляют достижения современных нейронаук, в первую очередь открытие Ризцоллатти зеркальных нейронов (*mirror neurons*)², отвечающих за проявление эмпатии и понимания действий других людей. До роста полевых исследований в 1950-х и 1960-х гг., исследователи уделяли мало внимания социальности и сфере социальной сложности у приматов. Существовали отдельные исследования о манипулятивном поведении у домашних животных, особенно у домашних обезьян и приматов в естественной среде обитания, но в целом было признано, что люди одиноки в использовании когнитивных способно-

стей в социальной конкуренции — животные не могут лгать, так как не могут говорить. Однако было обнаружено, что приматы часто полагаются на поддержку других лиц в получении рангов в иерархии и иногда используют такие тонкие социальные тактики, как «защищенная угроза», взаимное оказание помощи в соревнованиях, примирение после споров, и даже обман³. В 1988 г. вышла книга «Макиавеллианский интеллект» Берна и Вайтена⁴, которая сложила эти понятия вместе и сравнила их с наиболее яркими доказательствами социальной сложности приматов, утверждая, что это идея, которая заслуживает серьезного изучения. Название книги опиралось на исследования известного этолога Франца де Ваала, который в своих работах проводил сравнение между социальными стратегиями шимпанзе, которые он описал, и некоторыми из предложенных советов Никколо Макиавелли.

Предлагая несколько циничные рекомендации государю в политическом управлении, Макиавелли пророчески заявил, что индивидуальному успеху наиболее эффективно способствуют, казалось бы, альтруистические, честные и просоциальные стратегии поведения: «Иначе говоря, надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым — и быть таковым на самом деле, но внутренне надо сохранить готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо»⁵. «Макиавеллианский интеллект», по мнению авторов, является отличной метафорой, иллюстрирующей сосуществование кооперации в популяции вместе с максимизацией итоговой приспособленности отдельных особей в сравнении с другими: «Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и человека, и зверя»⁶.

Цель настоящей работы — эксплицировать методами теорий кооперации (Льюис, Грайс, Шеллинг) особенности возникновения и развития таких феноменов поведения, как «макиавеллианский интеллект». Мы будем исходить из классического определения обмана, который описывается как случай, где *A* передает *B* веру в пропозицию *p*, когда знает или верит, что $\sim p$ ⁷. Таким образом, изначальная концепция объяснения феноменов обмана основана на допущении о кооперативном характере коммуникации между индивидами и нетривиальной процедуре отрицания реально существующего положения вещей (например, стратегия шимпанзе, которая не раскрывает своим поведением наличие добычи во время «охоты»). В этой связи важно подчеркнуть, что все человеческие системы коммуникации включают в себя возможность отрицания, отрицания. Ни одна из известных систем коммуникации в животном мире не включает в себя того, что можно было бы назвать «отрицательными высказываниями», т.е. не обладает средствами для описания случаев лжи, иронии или противоречивых «суждений»⁸. Если мы, вслед за Спинозой и Гегелем, утверждаем, что любое определение в языке непосредственно или косвенно связано с отрицанием, то теории, говорящие о коммуникации в животном мире, будут для нас весьма сомнительны. Человеческая кооперативная коммуникация опирается, прежде всего, на психологическую базовую структуру способности к совместным

намерениям, сложившуюся в эволюции для поддержания совместной деятельности — социально-когнитивные навыки создания совместных с другими людьми намерений и, что более важно, просоциальный мотив помогать другим⁹. При этом такого рода когнитивные механизмы могут быть описаны на языке совместной интенциональности как «shared intentionality», как необходимое условие специфических форм совместной деятельности, в которых участвует множественный субъект «мы»: общие цели, общие намерения, совместное знание (shared knowledge) и единые верования. В частности, существуют видоспецифические функции сотрудничать (cooperate), которые детерминируют создание и реализацию совместных намерений.

При этом принципы такого поведения распространяются и на лингвистическое поведение: английский философ Пол Грайс первым отметил, что в структуре человеческого коммуникативного акта присутствует специальное коммуникативное намерение, которое он назвал «Принципом Кооперации»: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога»¹⁰. Эта дистинкция позволила разделить все виды коммуникации на кооперативные и некооперативные по наличию общих целей у говорящих. Например, в обыденной жизни мы чаще преследуем иные цели, чем цели нашего собеседника — в суде, на допросе, на экзамене, на защите дипломной работы, при торговле или флирте. Кооперация позволяет нам, однако, продолжать коммуницировать, передавать достоверную информацию, регулировать совместные действия. В любом случае, на каждом шагу диалога некоторые реплики исключаются как коммуникативно неуместные. Такой ракурс рассмотрения позволил Грайсу говорить уже не о классическом определении обмана, в виде семантической лжи, а существенно расширить эпистемологические основания механизмов нетривиальных высказываний. Если теоретики интенционального подхода в описании поведения опирались в основном на теорию совместного знания, т.е. знания, которое заключается в том, что все используют одно средство для совместной координации внимания и действий — примером может послужить коммуникативный обычай, то новые прагматические методы позволяли говорить о common knowledge — знании о знании. Впервые этот термин был введен в работе Давида Льюиса *Convention: A Philosophical Study* (1969)¹¹; он стал важным источником для идеи языка, основанного на многих конвенциях, не заданных конкретными регулятивными правилами. Льюис определяет такого рода знание как средство, которое можно заменить другим, если его будут использовать точно так же. «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, как поступать в данной ситуации», — пример такого использования common knowledge создает рекурсию знания о знании других индивидов.

Таким образом, конвенции могут быть отменены: мы могли бы сделать по-другому, если бы захотели, а наши действия пусть до определенной степени, но произвольны. Именно появление такой вариативности в поведении (например, в пантомимах шимпанзе во время манипуляций за новый ранг в иерархии) предоставляет важный инструмент для обмана

других индивидов, а знание о знании другого позволяет проводить манипуляцию успешно.

Отметим высказывание самого Макиавелли о социальных нормах поведения с учетом знания других о знании государя: «Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить»¹². Таким образом, Макиавелли действительно предполагает необходимость исходить из знания других людей для обмана, а не опираясь на общие культурные, этические и религиозные нормы поведения. Таким образом, макиавеллианский интеллект — значительно большее, чем просто аморальная максима поведения, предложенная флорентийским политиком, а его теория обмана позволила по новому взглянуть на феномены лжи и манипуляции в человеческом обществе, что находит свое подтверждение в современных эпистемологических исследованиях.

Заканчивая словами Исаяи Берлина, хотелось бы отметить, что «прибавление еще одной интерпретации нельзя счесть за дерзость»¹³ и неожиданные, на первый взгляд, эвристики из области эволюционной эпистемологии и прагматики могут позволить иначе взглянуть на роль Макиавелли в истории философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Берлин И. Подлинная цель познания. — М.: Директ-Медиа, 2008.

² См.: Риццолатти Д., Синиалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. — М.: Языки славянских культур, 2012.

³ См.: Byrne R. Machiavellian intelligence. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. Vol. 5. Issue 5. 1996. P. 172 — 180.

⁴ См.: Byrne & Whiten A. Machiavellian intelligence. — Oxford: Oxford University Press, 1988.

⁵ Макиавелли Н. Государь. — М.: Планета, 1990.

⁶ Там же.

⁷ URL: <http://plato.stanford.edu/entries/self-deception/>

⁸ О натуралистических теориях лжи см., например: Humphrey N.K. The social function of the intellect / P.P.G. Bateson & R.A. Hinde (eds.). *Growing points in ethology*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976. На русском языке см., например: Секацкий А.К. Онтология лжи. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000.

⁹ См.: Томаселло М. Истоки человеческого общения. — М.: Языки славянских культур, 2011.

¹⁰ Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. — М., 1985. С. 222.

¹¹ Lewis D. *Convention: A philosophical study*. — Harvard University Press, 1969.

¹² Макиавелли Н. Государь.

¹³ Берлин И. Оригинальность Макиавелли // Берлин И. Подлинная цель познания. — М.: Директ-Медиа, 2008.

REFERENCES

Berlin I. Original'nost' Machiavelli // Berlin I. Podlinnaya tsel' poznaniya. — Moscow: Direkt-Mediya, 2008.

Byrne R. Machiavellian intelligence. *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. Vol. 5. Issue 5. 1996. P. 172 – 180.

Byrne R., Whiten A. Machiavellian intelligence. – Oxford: Oxford University Press, 1988.

Machiavelli N. Gosudar'. – Moscow: Planeta, 1990.

Grice H.P. Logika i rechevoye obshcheniye // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Issue XVI. – Moscow, 1985.

Humphrey N.K. The social function of the intellect / P.P.G. Bateson & R.A. Hinde (eds.). *Growing points in ethology*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Lewis D. *Convention: A philosophical study*. – Harvard University Press, 1969.

Rizzolatti G., Sinigaglia C. Zerkala v mozge. O mekhanizmaxh sovmestnogo deystviya i soperezhivaniya. – Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012.

Sekatskiy A.K. *Ontologiya lzhi*. – St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000.

Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya. – Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.

Аннотация

Статья рассматривает одну из многочисленных интерпретаций взглядов Н. Макиавелли – интерпретацию известного этолога Ф. де Ваала, проводившего сравнение между принципами социального поведения, сформулированными в произведении Макиавелли «Государь» и социальными стратегиями шимпанзе. «Макиавеллианский интеллект» выступает как метафора, позволяющая исследовать социальное поведение людей и животных.

Ключевые слова: эволюция человека, Макиавелли, обман, конвенции, кооперации, Грайс, Льюис.

Summary

The article considers one of the many interpretations of Machiavelli's thought – the interpretation of Frans de Waal, a famous ethologist, who compared the principles of social behaviour in Machiavelli's *The Prince* with the social strategies of chimpanzees. «Machiavellian intelligence» is the metaphor allowing to research social behavior in man and animal.

Keywords: human evolution, Machiavelli, deception, convention, cooperation, Grice, Lewis.